

ПЕРЕЧИТАЙ

Беда, беда у госпожи: её красоту слизали кошки.

Поздно искать виновного и наказывать некого: к домашним она была строга, но милосердна, а кошки, божьи души, что с них взять. Кто это сделал — полосатая Александрин, чёрная Мицуко, белолопая Фелисити, рыжий Васья или все вместе вылакали ради круговой поруки? А кто оставил блюдечко с красотой на ночь у зеркала? Бестолковая Таша недоглядела или безупречная Наталия вдруг совершила роковую ошибку? Могла бы вызнаться, но теперь неважно. Важно лишь то, что её красоты, которая десятилетиями не меркла, лишь переливаясь от времени перламутром, не стало. Проснувшись утром, а будто свет погасили, и ни одна баночка не помогает.

Что по этому поводу думала госпожа объяснять не надо, а близкие всякое говорили.

Супруг госпожи отшатнулся, и хотел было осенить себя жестом, отгоняющим злых духов. Но быстро опомнился, присмотрелся и привык. Жиз-

ни-то вместе сколько прошло — годы! Тем более, половина имущества на жену записана. Надо принимать родного человека как есть.

Мать госпожи пожала плечами: ничего не поделаешь, зато наша красота продолжается в юных дочерях. «У меня мальчики, — сердито ответила госпожа. — И они уже лысеют».

Дети госпожи обрадовались: ну наконец-то. «Хочешь, мы тебе дачу купим? Будешь там выращивать укроп — он живучий, и за Кристиночкой с Вадиком на каникулах присмотришь». Госпожа было взяла внука на руки, а он заревел. «Он у нас такой, — сказал сын, — любит девушек молоденьких, от тётенок плачет. Но привыкнет, ничего».

Подруги госпожи велели не думать ерунды — с возрастом только краше и значительнее становишься, теперь настоящая зрелая женщина, с большой внутренней силой и уверенностью в себе. «Это не уверенность, а второй подбородок», — ответила госпожа. Как быть, если лицо её не из тех, что высекают из мрамора — на них время только углубляет линии, не размывая черт. Её красота была лёгкая, как песенка, и трепетная, будто крыло бабочки. Отзвучала, улетела. Сдул ветер серебряную пыльцу, и лицо стёрлось, не разглядишь — не запомнишь.

Мудрецы давали советы, но все ужасные. Один сказал, если кошки съели, красота теперь в их испражнениях, надо мазать на лицо, пока тёплые, многим женщинам помогало. Другой возразил —

бие спасла, но по сути-то он её бросил. Я же всегда была неверная, но никуда не уходила. Говорила: «Я не изменяю — я изменяюсь», прежней твоей женщины больше нет, а мне зачем уходить? Живи теперь со мной, новой, если хочешь. И все хотели. И теперь я опять изменилась, но закончилось всё, смотри-ка, по-книжному. Должно быть, там больше правды, чем казалось.

Выйдя в свет, госпожа обнаружила, что мужчины неожиданно поумнели. Раньше она появлялась, и глаза у них делались глупыми, а речи сбивчивыми, они оставляли свои дела и начинали танцевать перед ней, как олени. А сейчас только бросили на неё взгляд и продолжили умные разговоры, и отвлечь их не было никакой возможности.

А когда госпожа спустилась в метро (каре́та её временно превратилась в тыкву и стояла в сервисе), какой-то мужчина чуть не убил её дверью. Госпожа шла за ним, ничуть не сомневаясь, что он придержит для неё створку, и потому едва не пропустила удар в лицо, еле успела перехватить. Раньше такого не случалось, а теперь она будто стала невидимой, люди замечали её, только когда натыкались, и тогда говорили: «Куда лезешь, глаза дома забыла?» А глаза, вот они, почти такие же, может, белки немного потемнели, радужка — золотая и зелёная, потускнела, а верхние веки слегка обвисли. Тяжело стало взмахивать ресницами, посылая лукавые взгляды, да и незачем.

Госпожа вернулась домой, не раздеваясь пала на ложе, грубо отослав аккуратную Наталию, и тонким розовым пальчиком, подобным лепестку вишни, оживила айфон. Фейсбук всегда отвлекал её от тяжёлых мыслей, за исключением тех случаев, когда подсовывал контекстную рекламу: «Больше сорока лет? Задумайтесь о пенсии!», «Пластические операции» и «Спорт для пожилых». Но сегодня лента была милосердна к госпоже и предложила только элитный жилой комплекс, трусы-утяжку и тренинг для дам «счастливого возраста» — это ещё можно вынести. «Конечно, в старости счастья всё больше с каждым днём: проснулся и ничего не болит — счастье. Болит, но проснулся в сухой постели? Безусловно, счастье. Просто проснулся? И то молодец! Каждый день новая победа».

Госпожа ещё немного поскроллила и вздрогнула — Фейсбук самовольно запустил ролик, который опубликовал какой-то благородный господин. («Старые пердуны», — пробормотала дерзкая Таша, заглянувшая, чтобы предложить стаканчик белого вина — пусть и среди дня, но женщине в печали это уместно.) Госпожа мысленно с нею согласилась по обоим пунктам. И вина ей хотелось, и песня была древней, как испражнения ископаемых мохнатых слонов, что бегали на могучих ногах по доисторической Земле. Невыносимое механическое диско и липучий мотив, который госпожа мимодумно подхватила соловьи-

ным голосом: «Перечитай! «Малую землю» и «Возрождение» перечитай!» — и тут же прикусила язычок. Молодой даме никак невозможно знать городской фольклор восьмидесятых, откуда бы?

Песенка нехитрая: сначала вступает мужчина с вибрирующим козлетоном, а потом женщина — её наилучший вклад в дуэт состоит в сияющем взгляде, который она устремляет на своего толстоватого партнёра. Как блестят её глаза (и зубы, но это неважно), как она излучает восхищение — тридцать пять лет назад это было самым главным во всей песне.

Женщины, увидев её, сразу печалились, потому что им не на кого было так смотреть — не на этого же. И мужчины мрачнели, понимая, что многое отдали бы за такой взгляд, но от этой разве дождёшься. А Наташка, даром что сопля, но раз и навсегда поняла: только так и нужно. Чтобы от тебя с ума сходили, гляди, будто всё твоё счастье в этом человеке. И глядеть имеет смысл лишь на того, в ком всё твоё счастье.

Она даже помнила, как это случилось впервые. Та школьная дискотека, на которую их, мелких, наконец-то допустили вместе со старшекласниками. Наташка все мозги вывихнула, придумывая, что бы надеть. Стащила бы у сестры зелёную юбку-солнце, но Катька над своими вещами чахнет, как демон, тряпичница несчастная. Перебирает вечером одежду в шкафу, только увидит пятнышко, сразу вой: «Ташкааа, зараза, руки оторву,

опять таскала!» Наташка, конечно, отпирается для приличия, но по правде говоря, было дело — и брала, и пятно посадила. Сама Катька, как робот, никогда ничего не помнёт, не порвёт, не испачкает. Наташка, может, тоже бы так хотела: заплетать патлы в тугую косу, вещи все по плечикам-стопочкам держать, начищать сапоги каждый вечер, содержать ногти в идеальном порядке и зваться Наталией для значительности. Но вещи её не любили, а она их не понимала.

Значит, Катька вечером дома, с юбкой не сбежишь. В штанах идти глупо, повседневно. Хотя у Наташки есть настоящие джинсы «рифле», но мама говорит — это рабочая одежда, пусть и современная. В красном костюме тётъВалином? Папина сестра шила не хуже Зайцева, и мама однажды принесла к ней на платье кусок тонкой кровавой шерсти. Но приложили к лицу, посоветались и решили, что её природный алый румянец, легко вспыхивающий под тонкой белой кожей, с этим цветом не очень. А ей нельзя «не очень», она же красотка, в отличие от Наташки, которая папина дочка и очень, конечно, славная, но не ах. «А давай Ташке пошьём, — предложила тётъВаля, — ей и на костюм хватит». И пошили. Рукава «летучая мышь», вырез узкий и глубокий, но приличный, а юбка годе — на бёдрах в обликку, а книзу расходится тюльпаном. Красиво — не передать. Вот только Наташке совсем не шло, она от этого красного какая-то зелёная становилась. Зато взрослая,

мама так и сказала: «Да ты девушка совсем, Наталия, повзрослела не пойми когда!»

И Наташка решилась: раз дискотека со старшеклассниками, костюм в самый раз, и узкие белые лодочки фабрики «Парижская коммуна», которая единственная шила туфли маленького размера на высоких каблучках. Зачесала волосы на одну сторону и губы накусала, чтобы поярче, а щёки напудрила маминым «Лебяжьим пухом». Тут же, конечно, обсыпала всю грудь и кое-как отчистила кофту — ну не давалась ей аккуратность, это надо было другим человеком родиться.

Начинали в шесть, Наташка вышла за полчаса и медленно, нога за ногу, потащилась к школе, но добралась всего минут за десять и долго переминалась в холле, потом на втором этаже, возле актового зала, который не открывали до последнего, а позже у стены, ожидая, когда вырубят свет и врубят стробоскопы. Но и тогда ей было стыдно танцевать, тем более, она поняла, что всё-таки ошиблась с одеждой. Девчонки все пришли в коротеньких варёных юбках, одна она в миди как попадья, лучше бы правда джинсы надела. Наташка мрачно следила за рыженькой Ленкой — модной, с причёской «под мальчика», открывающей затылок. «Щёки со спины видно, а туда же. И лифчик вон просвечивает», — сердито думала Наташка, наблюдая, как та извивается под Тото Кутуньо, выламываясь перед Вадькой — самым красивым мальчиком в параллели. Он был похож на Мая-

ковского — очень юного, нежного пухлогубого Маяковского, но уже с чеканным профилем и наглыми льдистыми глазами. Наташка по нему сохла, и все это знали. Невозможно скрыть, когда ловишь его взгляд, и всё, как вспышка голубого лазера по мозгам — куда шла, зачем, не вспомнить, дар речи пропал, только голову опустить и спрятать лицо под длинной чёлкой.

А он её как не видел. Дурак.

Вечер медленно подходил к концу, мальчишки уже выбегали покурить, кто-то даже портвейн у старшеклассников видел, и тут диск-жокей объявил белый танец. И Наташку, которая три часа мялась от смущения, будто подняло и понесло в центр зала, потому что сейчас или никогда. Она подошла к Вадьке и спросила небрежно: «Пойдём?» Если бы он отказал, был бы позор на всю школу, но он кивнул и пошёл с ней. И тут зазвучала эта чёртова «перечитай», и Наташку вдруг унесло, она почувствовала такую свободу, о которой только в книжках пишут — и начала танцевать ужасно красиво и модно, вытягивая вперёд руки по очереди, и делая кистями такие особенные изящные движения, чтобы пальцы раскрывались, как лепестки. Вадька топтался перед ней сдержанно, как положено парню, и тогда она как бы случайно уронила одну руку ему на плечо, подняла глаза и посмотрела так, как эта Ромина на своего Альбано: как будто он её единственное счастье, как будто её сердце

превращается в сияние и изливается из глаз, чтобы Вадьке было светло, и сама она превращается в одну великую любовь. И все вокруг это увидели, Вадька всё понял, страшно покраснел, сказал «Дура, блин!», сбросил с плеча её руку и ушёл.

Она продержалась до самого конца дискотеки, гордо вышла из зала, гордо пошла домой и гордо сняла костюм цвета крови, гордо легла в постель, посмотрела в потолок и только тогда расплакалась. Жизнь была кончена, слёзы затекали ей в уши, а в голове звучала эта беспощадная песня.

Точно как сейчас.

Госпожа с силой прижала ладонь к глазам, выругалась, на секунду превратившись в охальницу-Ташу, и шумно высморкалась во что подвернулось — в угол пододеяльника. Жизнь и правда куда-то делась так быстро, будто длилась всего три минуты, от первых аккордов до последнего гаснущего «феличитаааа» и неуклюжего реверанса крупной длиннорукой певички. И она сама теперь снова некрасивая, зарёванная, не нужная никому. Кто бы ей сказал тогда, дура, что всё впереди, и счастье её расцветает именно в эти мгновения — когда всё потеряла и на всё способна, всё забыла и всё поняла, и сердце разбито и готово к любви. Для некоторых так выглядит свобода, но для неё на всю жизнь это и было счастьем.

Тогда. А теперь-то, конечно. Куда теперь счастье, когда кошки слизали красоту.

ВЕДЬМА

(Инициация)

ГЛАВА ИЗ КНИГИ

Мы живём во времена, когда ведьмой быть модно, это слово — комплимент, и женщины то и дело хвастают своими особыми способностями. Каждая вторая — то зелья варит, то зубы заговаривает, а уж колдовская кровь найдётся в роду у каждой первой. Ольга казалась себе на фоне подруг серой мышью без капли магии, поэтому всерьёз решила исследовать собственное прошлое на предмет хоть чего-то неординарного.

Вот мама — да, особенная. Она любила всё необыкновенное, но более всего ей нравилось самой производить впечатление женщины загадочной и непростой. Выходило так, что в детстве деревенская ведьма буквально гонялась за ней, чтобы «передать дар», а её собственный прадед был цыганом, и от него остались не только словечки на языке ром и размытый дагерротип, но и умение гадать, «глаз», и прочие непонятные, но прельстительные вещи. В самой Ольге не проя-